

Итоги Второй мировой войны и наша Победа

10 июня 10:04

АЛЕКСАНДР ФОМЕНКО

историк и политолог, член Парламентской Ассамблеи Совета Европы (2004–2008)

Различие интерпретаций – вполне объяснимо.

Труд в тылу, 1942 г. ИТАР-ТАСС

Как бы это ни казалось странно многим нашим соотечественникам, гражданам Российской Федерации и других стран СНГ, но отношение западных стран, и особенно западных стран континентальной Европы, ко Второй мировой войне всегда отличалось и будет отличаться от нашего отношения к Великой Отечественной. И это вполне объяснимо.

Дело в том, что действительно страшным испытанием для Европы стала Первая мировая

война, а не Вторая. Именно эта начавшаяся *жарким летом 1914-го* мировая бойня стала для западных европейцев по-настоящему *Великой войной*.

Среди плодородных полей долины Марны и бесконечных виноградников Шампани, у Вердена и Соммы стоят теперь мемориалы этому общеевропейскому безумию – не столько могильные кресты, сколько огромные, почти египетские пирамиды служат напоминанием о 10 миллионах погибших солдат европейских армий. Страшное чувство рождают эти рукотворные пирамидальные холмы, здесь и там возникающие перед взором современного путешественника.

Немецкие войска проходят через Триумфальную арку в Париже. 1940 г.

За четыре года той войны великая, уверенная в себе и своём будущем Европа *belle époque* самым очевидным образом мутировала. Вдруг стало возможным всё то, что ещё недавно было совершенно непредставимо. Ведь ни о каких программах уничтожения социальных, этнических или расовых групп, ни о каких «административных расстрелах» не было и речи – в той Европе Франца-Иосифа и Николая II, в которой существовали понятия страха Божьего, чести и человеческого достоинства. А в период с 1914 по 1918 год столпы европейской *просвещенческой* цивилизации применили друг против друга все

средства из арсенала будущих «плохих парней» XX столетия: от депортаций неблагонадежных этнических групп вглубь территории страны и до использования пропагандистской клеветы и *судебного беззакония*^[1] – в военно-политических целях.

Вторая мировая, в отличие от Первой, велась со страшными разрушениями и с нечеловеческим напряжением всех сил лишь на Восточном фронте – и только два государства, Советский Союз и германский Рейх, заплатили по всем её счетам.

Вооружённое же сопротивление Гитлеру в Европе в силу разных причин имело вполне локальный характер: ни одно из государств континента не смогло или не захотело тогда меряться силами с Берлином. И потому сегодня День Победы вне границ России и СНГ имеет непререкаемое значение лишь для граждан Израиля.

Совершенно ясно, что наше – русское и советское – отношение к этому празднику не могут разделять граждане тех стран, для которых материальные бедствия войны сводились к отсутствию кофе в свободной продаже. Это не преувеличение: именно так обстояло дело в либо оккупированной, либо контролируемой нацистским рейхом западной Европе. И это – не обвинение. Это констатация факта: им просто повезло.

Как раз тогда, например, когда московские театры эвакуировались в наш глубокий среднеазиатский тыл, присутствие немецкого оккупационного гарнизона в Париже в начале 1940-х годов не мешало, похоже, творчеству ни французских шансонье, вроде Мориса Шевалье и Эдит Пиаф, ни представителей высокой культуры, вроде Жана Кокто, Жана-Поля Сартра, Луи-Фердинанда Селина или Пабло Пикассо. (Автора «Герники», всю войну проработавшего в своей парижской мастерской, оккупационные власти даже не пытались беспокоить!)

Эти страшные для нас годы тяжёлых лишений и невероятного напряжения всех сил были ознаменованы для тех же французов не только оккупацией севера страны Германией, но и расцветом национального кинематографа на юге её, находившемся тогда под контролем национального французского правительства маршала Петэна со столицей в городе Виши. Именно тогда, между прочим, начались актёрские карьеры таких любимцев советского зрителя, как Жан Марэ и Жерар Филипп.^[2]

И отношение французов к своему национальному правительству и к его политике в отношении Берлина, как и отношение к антигитлеровской коалиции, могло быть различным, но в годы войны это разномыслие, в общем, не доходило до степени смертельной неприимости.

Хотя известно, что генерал де Голль, придя в 1944 году к власти, с одной стороны на англо-американских штыках^[3], а с другой вместе с французскими коммунистами и при поддержке СССР, отправил на казнь действительно великого французского поэта Робера Бразийяка, в общем, именно за пронацистское *инакомыслие*: за то, что он в годы войны *предпочитал* Гитлера – Сталину. И понятно, какую судьбу он мог бы уготовить какому-нибудь корсиканскому или эльзасскому *Степану Бандере*, буде таковой попался бы ему в руки.

Но при этом в самый разгар мировой войны (для советского народа – *народной, священной войны*) французская интеллигенция воспринимала собственное политическое разномыслие относительно целей и хода этой самой войны весьма спокойно. Так, например,

известный французский поэт и мыслитель Пьер Дриё Ла Рошель, увлекавшийся европейским фашизмом, и левый антифашист и участник Сопротивления писатель Андре Мальро, даже став политическими антагонистами, продолжали сохранять вполне дружеские *личные* отношения.

А вот другой интересный и многозначительный факт: французскую общественную организацию *Объединение в защиту памяти маршала Петэна* с 2000 по 2009 годы возглавлял генерал-лейтенант авиации Жак ле Груаньек, сам воевавший в частях де Голля.

* * *

Не стоит делать вид, что различие в политических интерпретациях одних и тех же событий является для нас чем-то новым. Ход Второй мировой войны и её итоги начали пересматриваться Западом, собственно, почти сразу по её окончании – с принятием Соединёнными Штатами решения об их жёстком противостоянии с СССР, недавним союзником по, как тогда говорили, *коалиции демократических наций*.

Это враждебное военно-политическое и идеологическое соперничество получило название «холодной войны», но проводившиеся в ходе её психологические операции характеризовались чрезвычайно высоким накалом взаимного идеологического давления, в котором исторические факты были лишь материалом для создания обеими сторонами нужных им *идеологически верных* (на Западе говорят «*политически корректных*») образов.

В итоге взаимных усилий к началу 1990-х годов народные массы СССР и их стран-сателлитов имели весьма слабое представление о том, с каким ожесточением велась японо-американская война на Тихом океане, а народные массы США и их стран-сателлитов были уверены в том, что во Второй мировой войне и немцев, и японцев разбили именно и только американцы при некотором участии англичан.

Правда, дальше занижения в масс-медиа степени и значения участия в войне Советского Союза и его армии дело не пошло: немцы и японцы, безусловно, оставались при этом

«плохими парнями». Ибо любой намёк на оправдание действий нацистской Германии неизбежно ставил бы под сомнение роль англосаксонских *солдат-освободителей*, пришедших в Западную Европу в 1944-1945 годах. А ведь все существующие на современном Западе политические режимы легитимированы именно такой победой союзников.

*Всё для фронта, всё для победы.
1942 г. Фото ИТАР-ТАСС*

Поэтому никакой ревизии официальных итогов Второй мировой войны нет и не предвидится ни в англосаксонских странах, ни во Франции, ни в Германии.

Попытки официального пересмотра истории Второй мировой войны происходят, собственно, лишь в некоторых «новоевропейских» странах. Но и то не во всех: руководители, например, как Чехии, так и Словакии просто не могут себе позволить роскоши пересмотра итогов Второй мировой. (Потому что репрессии против немецкого гражданского населения на территории Чехословакии, проводившиеся после 1945 года в соответствии с так называемыми «декретами Бенеша», исходя из представлений о «коллективной вине» немцев, не имеют оправдания с точки зрения современных политических стандартов Совета Европы, безусловно отрицающих «этнические чистки».)

Впрочем, хотя правящий класс Запада и помнит сегодня о победе над нацистами, делает он это явно иным, отличным от нас образом.

Очевидно, что ссылки политических и государственных деятелей РФ на историческую мифологию «антигитлеровской коалиции» не имеют для их западных собеседников большого смысла, потому что времена «Большой тройки» для них давно канули в Лету.

Соединённым Штатам гораздо ближе новейшая мифология победы их в «холодной войне»^[4] вместе с нынешними западноевропейскими союзниками, нежели историческая реальность Ялты и Потсдама – трудных переговоров с тогдашними советскими союзниками.

Европейцев же явно не греют воспоминания о том, как прибывшие из-за океана или, по меньшей мере, из-за Ла-Манша англосаксы (американцы и британцы) и русские коммунисты, определяли послевоенные судьбы старого континента – без участия самих европейцев (бывших либо проигравшими, либо жертвами, либо нейтралами).

Ведь происшедшая после мая 1945 года во всех не бывших нейтральными европейскими странах смена правящих режимов стала либо подтверждением неполной суверенности этих стран внутри Запада, либо началом периода столь же неполной суверенности внутри тогдашнего Востока.

Конечно, нельзя отрицать, что нынешний всплеск «новоевропейских» попыток официального пересмотра итогов Второй мировой войны является лишь следствием тех геополитических изменений, которые начались в середине 1980-х годов. Когда горбачёвский СССР, вопреки мнению политических руководителей Великобритании и Франции, решился на воссоединение Германии, дальнейшее существование *ялтинско-потсдамско-хельсинской* системы (второго, адаптированного для реалий XX века издания системы вестфальской) впервые было поставлено под вопрос. Хотя даже после инкорпорации ГДР в ФРГ резкой эрозии этой мировой системы вполне можно было избежать.

Но с роспуском СССР и фактическим перекраиванием не только границ в Европе, но и всей мировой политической архитектуры трудно было сохранить в неприкосновенности само идеологическое обоснование старой системы – мифологему *союзной Победы* во Второй мировой войне.

Теперь же, вследствие агрессии стран НАТО против Сербии-Югославии и последовавшего затем физического отторжения от Сербии её провинции Косово и Метохия, эрозия старого мира стала уже необратимой. Хотя Запад до сих пор продолжает внутри своих старых границ поддерживать инерцию существования оставшихся от времён Хельсинкского

совещания (сегодня – совершенно архаичных!) идеологических клише и политических институтов – к примеру, ОБСЕ.

* * *

В нынешних условиях представляется чрезвычайно важным для нас не путать память о Великой Отечественной войне советского народа и историческую реальность Второй мировой.

Именно для нас – и только для нас – это была война на выживание. И именно мы нанесли решающее военное поражение врагу на поле боя: англо-американцы, канадцы и французы так никогда и не почувствовали, к счастью для них, что означают слова, выбитые на сталинских медалях: «За взятие... Кёниксберга, Берлина, Вены и Будапешта». (Все другие медали были «За освобождение...».)

О многом говорит нижеследующий эпизод войны на Западном фронте.

Комендант 18-тысячного немецкого гарнизона Ла-Рошели, за время оккупации превращённой в неприступную твердыню, после высадки союзников в Нормандии получил из Берлина приказ оборонять город до последнего, а затем взорвать его. Вполне осознавая бессмысленность сопротивления, но не желая позорного плена без боя, он в октябре 1944-го заключил с представителем правительства де Голля соглашение о «ненападении» и... спустил германский флаг лишь 8 мая 1945 года. Это действительно была другая война, не наша.

Более того, в окружающем нас мире никто, по большому счёту, кроме британцев, не был столь уж заинтересован в победе антигитлеровской коалиции.

А, например, едва освободившиеся от власти «коварного Альбиона» ирландцы в течение всей Второй мировой войны явно предпочитали наблюдать победы немецкого оружия, а не британского. (Президент независимой Ирландии де Валера в последний раз поздравил рейхсканцлера Адольфа Гитлера с днём его рождения в апреле 1945-го.)

Для большинства же граждан США, например, европейская война (в отличие от войны тихоокеанской) представлялась не более необходимой, нежели последняя иракская кампания.

Тогдашние американские правые интеллектуалы, и не только историки-ревизионисты, исходя из совершенно патриотических и консервативных соображений, оценивали действия администрации Франклина Рузвельта не менее жёстко, нежели современные нам левые интеллектуалы оценивали действия администрации Буша-младшего.

Поэтому американские исследователи могут десятилетиями обсуждать степень серьёзности причин и поводов для вступления их страны в войну, как против Японии, так и против Германии^[5].

Та часть населения британских колоний, что тяготилась колониальным статусом и мечтала о деколонизации, явно предпочла бы победу нацистской Германии над колонизаторами из Лондона. Ясно, что будущие друзья советского народа Джавахарлал Неру и Гамаль Абдель Насер не могли в те годы грезить о победе *демократических наций* – ведь одной из таких наций была Великобритания.

Иранские интеллектуалы тоже вряд ли радовались тому, что территория их страны в годы Второй мировой войны была оккупирована СССР и Британской империей и что безо всякого спросу на их земле наша «Большая тройка» проводила свои встречи.

По схожим причинам националистически настроенные латиноамериканцы по большей части не особенно радовались победам североамериканских «гринго». И после войны именно в Латинской Америке укрывались бежавшие из Европы сотрудники партийного и государственного аппарата нацистской Германии.

Впрочем, и собственно антисоветская, и антикоммунистическая часть русского народа (например, паства Русской зарубежной церкви – те, кто происходит из строго монархических семей так называемой *первой*, то есть послереволюционной эмиграции, а также практически все потомки так называемой второй, то есть послевоенной эмиграции) никогда не считала 9 мая – праздником. Ибо она проживала вне пределов СССР – не по своей воле, разумеется.

Нам нет никакого смысла ожидать от окружающего мира благодарности за «избавление от коричневой чумы»: этот мир нас ни о чём не просил, и он нам ничего не должен.

Но и мы *никому ничего не должны*. Избавление от советских пропагандистских иллюзий о «всемирно-историческом значении» нашей Победы 1945 года вовсе не означает, что на наше восприятие этой военной победы может сегодня оказывать влияние отношение к войне тех народов и тех людей, кто не имел к ней отношения...

Вне зависимости от мнения тех или иных частей глобализирующегося мира о Второй мировой войне для одной шестой части земной суши, бывшей территории Российской империи и СССР, 9 мая – великий день.

Для ощущения законной гордости за свою страну и свой народ нам вполне достаточно

сознания того, что это была *наша великая победа в нашей Отечественной войне*, что в такой войне не мог добиться военной победы *никто, кроме нас*.

* * *

Для нас, советских и русских людей, настолько вошло в привычку отмечать этот день в качестве важнейшей даты календаря, что мы

как-то не задумываемся над тем, что сам-то победитель Гитлера, генералиссимус Сталин, не считал необходимым превращать этот день в тот государственный и всенародный праздник, каким мы его знаем. Почему?

Л. И. Брежнев зажигает Вечный огонь на могиле Неизвестного солдата. 1967 г. Фото ИТАР-ТАСС

Сталин хорошо помнил и Великую войну, и Гражданскую войну, и для Верховного Великая Отечественная не была, очевидно, главным событием в его жизни и в жизни его государства.

Этот день был, разумеется, для Сталина важнейшей вехой в истории страны (и днём, между прочим, его личного торжества), но побеждённый в той войне враг был для него

лишь побеждённым врагом, но никак не персонификацией мирового зла. В конце концов, именно с Гитлером он договаривался в 1939-м (тогда, правда, до начала новой мировой войны, рейхсканцлер был вполне «рукопожатным» персонажем мировой политики), с ним же он пытался договориться о прекращении военного противостояния в 1942 и в 1944 годах[6].

Для Брежнева же, ветерана Великой Отечественной, успевшего побывать в новороссийской мясорубке, эта война стала, безусловно, главным потрясением в его жизни; поэтому он и оказался в роли инициатора всенародного празднования Союзом Дня Победы – ровно через 20 лет после самой Победы. И если при Сталине увечных воинов победоносной армии вскоре после окончания победоносной войны силами МВД убрали с улиц и упрятали в разного рода «специнтернаты», дабы не напоминали они самим своим видом об ужасах войны, то при Брежневе ветераны войны стали обязательным атрибутом торжественных заседаний, а память о Войне и Победе стала одним из основных сюжетов государственной пропаганды – как монументальной, так и кинематографической.

Вольно или невольно брежневская инициатива стала зримым выражением не столько сознательной *русификации*, сколько бессознательного и естественного *обрусения* коммунистического режима, его, так сказать, *нормализации*.

Ясно, почему советский агитпроп уделял столь пристальное внимание так называемому «военно-патриотическому воспитанию» населения СССР. Ведь если какое событие и могло служить основанием для разговоров о существовании *новой исторической общности людей – советского народа*, то это Великая Отечественная война и Победа 1945 года.

И сегодня, даже через два десятка лет после распуска СССР, День Победы, хотя бы на территории СНГ, ежегодно даёт повод для общих воспоминаний, повод говорить об исторически существовавшем единстве – *единстве судьбы* – и настаивать на продолжении этого (континентального по масштабам!) единства.

Уже по одной этой причине[7], так сказать, волею истории, мы просто обязаны продолжать эту традицию.

Это – наш праздник.

[1] О политически обусловленных фабрикациях «дел об измене» Мясоедова и Сухомлинова см.: Тарсаидзе, Александр. *Четыре мифа о первой мировой*. М., 2007.

[2] Henry Coston présente (œuvre collective). *L'âge d'or des années noires. Le cinéma arme de guerre?* Paris, 1996.

[3] При этом нет никаких оснований думать, что де Голль испытывал какие-либо тёплые чувства по отношению к англосаксам.

[4] К сожалению, мы сами не очень настойчиво противостояли этой версии роковых событий рубежа 1980–1990 годов; хотя в Рейкьявике Горбачёв в формальном смысле закончил «холодную войну» на весьма почётных для СССР условиях. Всё же, что происходило внутри бывших советских границ потом, после смещения Горбачёва Ельциным и роспуска

СССР, должно относиться к внутривнутриполитической нашей истории, а не к военно-дипломатической.

[5] Russett, Bruce M. *No Clear and Present Danger. A Skeptical View of the United States Entry into World War II*. New York, Hagerstown, San Francisco, London, 1972.

[6] Квицинский Ю.А. *Россия-Германия. Воспоминания о будущем*. М., 2008.

[7] Есть и другие причины – но это тема отдельного разговора.